

наши кадры

Политология — источник интеллектуального азарта

Интервью: Константин Алексеев
Фото: Игорь Лилеев

Факультет политологии МГИМО отметил свой десятилетний юбилей. «Для человеческой жизни десять лет — немного, а в жизни образовательного учреждения это существенный срок, целый этап, рубеж, — считает **Алексей Дмитриевич Воскресенский**, декан факультета. — Напомню, что решение об открытии ФП руководство института приняло в 98-м году, несмотря на непростое положение в стране. В этом проявилось предвидение нашего ректора Анатолия Васильевича Торкунова, который понимал, что временные сложности не должны помешать нам ставить амбициозные задачи. И это стратегически оправдалось».

МЖ: Вы уже год работаете деканом факультета. Что-то новое за это время вам удалось привнести?

Мы подготовили и опубликовали информационно-аналитическую книгу о факультете, в которой подвели итоги прошедшему десятилетью и наметили пути развития. Уже сделали существенные содержательные изменения: был переконструирован учебный план, больше внимания стали уделять практической востребованности студентов, а переформатировав содержание многих курсов, начали привлекать больше политологов-практиков, в том числе зарубежных. Это, кстати, всегда было отличительной чертой ФП, теперь этой традиции придан новый импульс. Особенно это касается обучения в совместных программах — у факультета есть совместные магистратуры с Университетом Сьянс По, Свободным университетом в Берлине, университетами Потсдама, Гумбольдта. А сейчас будем создавать тройственную франко-немецко-российскую магистратуру. Из других новинок могу назвать конкурс «Моя первая курсовая», в ходе которого студенты пишут свою первую аналитическую работу.

МЖ: Она чем-то отличается от обычной курсовой?

Во-первых, ее пишут первокурсники, то есть это самая первая курсовая. Во-вторых, тут важен процесс — возможность воспитать у студентов авторский взгляд на аналитику, вкус к созданию оригинальных политических текстов. А в-третьих, это конкурс, то есть конкуренция. Жюри из ведущих профессоров оценивает работы, а на Дне факультета мы называем лучших, вручаем призы. Таким образом, и учим, и воспитываем наших студентов.

МЖ: Думаю, есть и четвертая составляющая. Первокурсник еще не искушен, в чем-то наивен, ему легче сделать прививку от плагиата, которым, что скрывать, грешат иные тертые третьекурсы.

Совершенно верно. Я бы только назвал это иначе: не прививкой, а привитием с молодых ногтей правильного отношения к авторской исследовательской аналитической работе, к творчеству. Без этого политолог никогда не создаст оригинальный продукт.

МЖ: Каково место политологической

школы МГИМО в мировом пространстве?

Хотя политология как учебная дисциплина возникла на Западе, мы ставим задачу быть на гребне всего мирового политологического процесса — как научной, так и образовательной его ипостаси. Сильная сторона МГИМО и факультета политологии заключается в том, что, давая фундаментальное университетское образование, мы помогаем студенту и

 Сильная сторона МГИМО и факультета заключается в том, что, давая фундаментальное университетское образование, мы помогаем студенту и выпускнику быстрее адаптироваться к рынку

Воскресенский Алексей Дмитриевич
Декан факультета политологии МГИМО

Окончил в 1982 г. Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1983 г. — Сингапурский университет. С 1983 по 1999 г. работал в ИСАА при МГУ, Институте востоковедения и Институте Дальнего Востока РАН. С 1999 г. работает в МГИМО — заведующим и профессором кафедры востоковедения, с января 2008 г. — декан факультета политологии, профессор кафедры востоковедения. Проводил научные исследования в Китае, Франции, США, Великобритании, Голландии, Японии, читал лекции во многих зарубежных и российских вузах. Автор аналитических статей по международным отношениям, опубликованных в отечественных и зарубежных печатных СМИ, и около 300 наименований научных работ объемом примерно 440 п. л., из которых 8 — авторские монографии, изданные в России и за рубежом. Кандидат исторических наук, доктор философии Манчестерского университета, доктор политических наук, профессор. Владеет китайским, английским, французским, древнекитайским (вэньянь) языками.

выпускнику быстрее адаптироваться к рынку. Даже если студент не сможет найти работу в своей узкой специализации, он все равно будет востребован на политологическом поле. Со своей стороны я как востоковед вношу в учебный процесс курсы, которые давали бы представление о Востоке в мировой политике. «Политическое востоковедение», или «востоковедная политология», — новая специализация, получившая развитие в последние пять-шесть лет. Без восточного вектора подготовка политологов полного цикла, как мне кажется, невозможна. Наконец, мы сильны языковой подготовкой — это, кстати, часть бренда МГИМО, — и на ФП учат умению профессионально говорить на иностранном языке, участвовать в дискуссиях на политические темы. Это чрезвычайно важно. Я понял это еще когда, окончив с красным дипломом МГУ и Сингапурский университет, получив опыт стажировок в разных странах, сел писать докторскую на английском. Я почувствовал, что просто знания языка мне не хватает. В ту пору у нас не было языковых профессиональных образовательных программ, и я обучал себя языку специальности самостоятельно. Студент МГИМО поставлен в очень благоприятные условия, он овладевает как минимум двумя языками, а кое-кто и тремя, и четырьмя! Моя бывшая аспирантка, а теперь замдекана Екатерина Валерьевна Колдунова, владеет шестью западными и восточными языками. Это дает нынешнему поколению политологов совершенно другую перспективу, снимает многие ограничения.

МЖ: Как получилось, что вы, востоковед, пошли в политологию?

Причем классический востоковед! С двумя образованиями — филологическим и историческим (его я получил в России, Китае и Сингапуре). Однако в какой-то момент я понял, что, исходя из восточных представлений и с помощью традиционных методов, прежде всего исторических, я никогда не смогу адекватно объяснить восточную реальность и уж точно не смогу ее прогнозировать и моделировать. Мне не хватало знания структурных методов западной традиции. Я обратился к политологии и получил полное западное политологическое образование в США и Великобритании, испытав при этом некий интеллектуальный азарт, поскольку политология открыла для меня возможность развиваться

наши кадры

творчески. Советская система, в которой я учился, руководствовалась призывом Ленина овладеть всем богатством знаний, которое накопило человечество. Но с точки зрения методологии речь не шла об овладении всеми методами и методиками, которые выработала к тому времени мировая политическая мысль. Мы были идеологически зашорены, мало знали, мало ездили, плохо понимали, что происходит в других странах. Новый этап развития нашей страны открыл неизведанные горизонты, и я с большой завистью смотрю на студентов, которые теперь имеют возможность овладеть полным арсеналом новейших методов и методик с первого курса, получая фундаментальное образование, отправляясь на стажировки и слушая лекции зарубежных преподавателей как за рубежом, так и дома. У них нет объективных ограничителей, которые были у нашего поколения.

МЖ: В чем отличие западной политологии от восточной?

Во-первых, современная восточная политическая наука достаточно молода, а во-вторых, более описательна. Западная — более струк-

Чан Кайши и Мао Цзэдун — два антагониста. Первый развивал модель авторитарно-демократического управления и политической модернизации, говорил об управляемой демократии, которая должна трансформироваться в полноценную демократию. Второй, Мао, являлся одним из последовательных пред-

ставителей авторитарно-леваческой мысли. Но при этом ему удалось сделать то, что не удалось Чан Кайши. Он создал — хотя и авторитарным, жестоким путем — китайскую политическую нацию, открыв тем самым путь для реформ Дэн Сяопина, который сумел ей показать, что на основе политики политического компромисса и либеральной экономической модели можно быстро трансформировать Китай.

турна, аналитична и менее описательна. Но все относительно. Сейчас набирает силу процесс синтеза, конвергенции. В то же время усиливается понимание того, что универсальные законы развития должны преломляться к конкретной реальности. Я даже написал книгу «Политические системы и модели демократии на Востоке» (она используется в учебном процессе) — о том, как дополнить общие закономерности развития единой мировой цивилизации пониманием специфики отдельных цивилизаций. Поэтому если мы говорим о политологии — а главный предмет ее изучения — политическое устройство мира, — мы должны понимать, что принципы познания нового в этой науке интернациональны.

МЖ: Вы занимаетесь Китаем. Что это за модель с точки зрения политолога?

Действительно, политолог занимается созданием моделей и его дело — типизировать все богатство страны, доводя его до определенного набора моделей. Но в этом всегда есть опасность, что вы пропустите что-то важное. Китай — страна настолько своеобразная и с такой богатой цивилизационной спецификой, что какое-либо моделирование к ней не применимо, а созданные неспециалистами теории зачастую грешат обобщениями, не работают и нуждаются в корректировке. Самый очевидный и яркий пример — Марксова теория азиатского способа производства. Маркс создал знаменитую концепцию этапов развития общества, не очень понимая, чем индийский и китайский опыт отличается от западноевропейского. Потом сто лет исследователи дискутировали на тему специфики азиатского способа производства, пока не поняли ограниченность Марксовой конструкции. Маркс был классический политэконом, его теория покоилась на анализе экономической основы. Это не значит, что она не гениальна, но она, как любая теория, усекает действительность до набора схем. Кстати, опыт нашей страны последних двадцати лет тоже показывает, что помимо экономики не менее важны другие вещи, в частности, политическая психология, иначе мы давно решили бы все свои проблемы. Кстати, я читаю в магистратуре блок лекций «Построение теорий», который показывает, как можно построить теорию, если учесть в ней специфику страны и региона.

МЖ: Вы назвали гением политэкономии Маркса. А кто гений политологии?

Гениальность — в умении совместить теорию с практикой. Маркс теорию придумал, но с практикой она разошлась. Для этого действительность должна быть трансформирована. Вот когда в прошлом веке некоторые западные страны встали на социал-демократический путь, который восходит к Марксовой концепции, это произошло уже в условиях трансформированной практики. А вообще, нельзя политико-экономическую мысль

ограничивать каким-то одним деятелем, потому что есть большие и разнообразные традиции. Мне ближе китайская, поскольку читаю лекции по политической мысли Китая, включая таких антагонистов, как Чан Кайши и Мао Цзэдун. Первый развивал модель авторитарно-демократического управления и политической модернизации, говорил об управляемой демократии, которая должна трансформироваться в полноценную демократию. Второй, Мао, являлся одним из последовательных представителей авторитарно-леваческой мысли. Ему удалось сделать то, что не удалось Чан Кайши на материке: он создал — хотя и авторитарным, жестоким путем — китайскую политическую нацию, открыв тем самым путь для реформ Дэн Сяопина, который сумел показать, что на основе политики политического компромисса и либеральной экономической модели можно быстро трансформировать Китай. Были и в японской политической традиции такие мыслители-практики. В XIX веке в Японии периода Мейдзи император и группа его близких сподвижников сумели предложить Японии такую модель, которая в XX веке позволила ей очень быстро осуществить модернизацию и превратиться в одно из ведущих государств мира. Интересно, что у китайского императора, правившего примерно в тот же период, из этого ничего не вышло, а получилось только столетие позже — у Дэн Сяопина.

МЖ: Кризис, который разразился на Западе, тоже результат расхождения теории с практикой?

Да, Запад был поистине виртуозен в формировании виртуальной финансовой экономики быстрых и легких денег. Он сумел убедить весь мир, что это направление, куда должно двигаться человечество. А потом оказалось, что от реальной экономики никуда не деться. Но это не значит, что финансовая экономика не должна существовать, — она лишь инструмент для решения экономических проблем. Проблема в том, что каждый пытается свою специфику представить как общую для всех. И чем больше развита страна или группа стран, тем сильнее это желание, потому что больше возможностей это сделать. Американцы явно натолкнулись на эту методологическую проблему.

МЖ: У них, похоже, проблема и с определением роли государства в экономике.

А у нас? Сначала у нас было плановое хозяйство, затем мы дали волю стихийному рынку. Потом создали олигархическую систему, в дельнейшем, правда, урезав политическое влияние олигархов. Хотя «авторские» капиталы — это тоже инструмент, который позволяет умной политической власти ускоренным образом решать вопросы развития. Когда

Роман Абрамович покупает самый мощный шит для рытья туннелей и строительства развязок в Москве — это же явный социальный заказ. Мы видим симбиоз, который проявился в отформатировании частного капитала политической властью. Кстати, у нас на факультете создано новое направление — экономическая политология. Она исследует, как политика влияет на экономику и, в частности, каковы взаимоотношения государства и бизнеса.

МЖ: Десятилетний рубеж пройден, что дальше?

Закончился этап освоения, начинается этап осмысления и создания своего, оригинального материала. У нас для этого есть все основания. Хочу напомнить, что наш ректор одним из первых получил степень доктора политических наук. Он, кстати, тоже востоковед. В одной из своих статей Анатолий Васильевич упомина-

“ Опыт нашей страны показывает, что помимо экономики не менее важны другие вещи, в частности, политическая психология, иначе мы давно решили бы все свои проблемы

нул политологию как сферу, где может происходить приращение знания, познание новой реальности, синтеза разных методологических традиций. Еще в 80-х годах академик А. Н. Несмеянов сказал, что приращение знания особенно перспективно в точках соприкосновения разных отраслей науки. Если говорить о политологии, то это, например, политическая психология — прикладная дисциплина, в которой сейчас идет активная разработка новых методик, «востоковедная» политология, экономическая политология и другие новые подотрасли политического знания.

МЖ: Вы автор необычной книги — «Чудаки, шуты и пройдохи Поднебесной». Это тоже укладывается в ваши политологические интересы?

Мое первое образование — филологическое, я занимался средневековой китайской литературой. Интерес к китайской культуре сохранился до сих пор. В книжке, которую вы упомянули, опубликованы юмористические притчи, собранные в экспедициях по Китаю. В них проявляется специфика китайской цивилизации. В Китае шутки, рассказанные

тысячу лет назад, циркулируют в народе до сих пор, в отличие от наших анекдотов, которые создаются на злобу дня и ходят недолго. В этом же русле и мое новое исследование «Литературный Китай XVII века». Иными словами, я анализирую и учу анализировать своих студентов как императорский Китай, так и современный, с учетом и литературно-исторической традиции.

МЖ: Можете вспомнить какую-нибудь притчу?

Вот притча, которая ходит в Китае со Средневековья. Она, кстати, может показаться актуальной и для нас. У скупого помещика был слуга. Как-то он вызывает его и говорит: «Сходи купи вина». — «А деньги?» — «Любой может купить вино за деньги, ты купи без денег!» Слуга отправляется в лавку с пустой бутылкой, но когда возвращается, она по-прежнему пуста. Хозяин: «А вино?» Слуга: «Любой может напиться вином, ты напейся без вина!» SB